

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИИ

УДК 941471. 081

РУССКИЙ ПОМЕЩИК В НАРОДНОМ ФОЛЬКЛОРЕ: БЛАГОРОДСТВО И ЖЕСТОКОСТЬ (СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)*

В.А. ШАПОВАЛОВ*Белгородский государственный
национальный исследовательский
университет**e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru*

В работе рассматриваются в контексте эволюции народного фольклора представления русского крестьянства о помещике, вотчинной власти. Выделяются воззрения, в которых как отдается должное барским милостям, так и демонстрируется негативное восприятие помещика, его права владения «крещеной собственностью»; особое внимание уделено крестьянской пореформенной иронии насчет обнищания значительной части помещичьего дворянства.

Ключевые слова: пословицы, поговорки, сказки, фольклор, крестьянин, помещик.

В народном фольклоре, в основе которого лежит устное народное творчество, отражена коллективная память и воззрения на общество, человека, природу, отдельные исторические и социальные явления. В создании фольклорных сюжетов, как правило, принимали широкие народные массы, в первую очередь, крестьянство и это отложило отпечаток на форму и содержание песен, сказок, пословиц и поговорок, где наряду с вечными философскими категориями о добре и зле, жизни и смерти, богатстве и бедности и т.д., довольно ярко и не всегда однозначно выражено отношение крестьян к своему социальному антиподу – барину. Это связано с тем, что фольклор ориентирован на традиционные нормы крестьянского общества и устно-поэтическая традиция позволяет передать нормы сложившегося мировосприятия. Немаловажное значение имеет и тот факт, что за постоянством фольклорной традиции стоит уклад – устойчивые формы народного быта¹. Проходили века, и из поколения в поколение

* Работа выполнена при поддержке ФЦП " Научные и научно-педагогические кадры инновационной России на 2009-2013 годы", Государственный контракт № 16.740.11.0545 от 23.05.2011 г.

¹ Костюхин Е.А. Лекции по русскому фольклору. М., 2004. С. 9-10.

русский крестьянин пахал землю, обрабатывал барщину, платил оброк, выполнял множество других повинностей. То есть, представления о жизни передавались по наследству. Фольклор – детище общества, где социальная практика и действительность основывались и основываются на репродуцировании накопленного жизненного опыта. Для значительной массы русского крестьянства помещичья усадьба была тем микромиром, в границах которого протекала вся основная его жизнь, а внутренняя социально-психологическая связь «Я и помещик» определяла все сферы жизнедеятельности помещика, так как последний являлся неотъемлемой частью поместного хозяйства. Отсюда, помещик становился органической частью народного фольклора.

В настоящем исследовании анализируются два жанра народного фольклора – пословицы, поговорки и сказки, которые, на наш взгляд, наиболее информативны и отражают весь спектр восприятия помещика, вотчинной власти, феномена внутри-усадебного противопоставления добра и зла.

Пословица – жанр фольклора, афористически сжатое, образное, грамматически и логически законченное. В пословице наиболее ярко проявляются общие признаки фольклора: коллективность творчества, так как она создавалась многими людьми; традиционность, то есть, устойчивость, так как текст пословицы, как правило, редко изменяется; устность, так как пословица более других жанров связана с устной, разговорной речью. В краткой и сжатой форме пословица передает итог длительных и внимательных наблюдений над жизнью. Пословица содержит в себе совет или поучение. В пословицах отражены и социальные противоречия прошлых веков: крестьянин – помещик, бедняк – богач, крестьянин – поп и т.д. Хотя, традиционно отмечают, что пословицы всегда дают резкую оценку представителям привилегированных сословий или социальных групп, но отдельные источники дают и другую картину². Различие между пословицей и поговоркой в том, что пословица – это суждение, а поговорка – устойчивое выражение. В отличие от пословиц (поговорок), сказки выполняют эстетическую функцию – они рассказываются для развлечения и поучения. Спектр сказок широк – волшебные, о животных, бытовые. Именно в бытовых сказках отражена власть помещика над крестьянами³.

В качестве основных источников взяты 42 русские пословицы о барине и мужике, собранные, обработанные отшельником Мери – Хови и изданные в 1882 г.⁴, 32 русские пословицы (за вычетом украинских и белорусских) о барине, собранные Н.Л. Бродским в юбилейном издании «К воле. Крепостное право в народной поэзии» 1911 г.⁵, двухтомник «Пословицы русского народа» В.И. Даля, изданном в 1862 г.⁶ Примечательно, что Даль, при классификации собранных им пословиц, не выделил в отдельную категорию пословицы, посвященные помещику. В качестве основного источника, при анализе сказок, был взят сборник русских народных сказок «Барин и мужик», составленным и изданным Ю.М. Соколовым в 1932 г., в издательстве «Академия» и содержащим 60 сказок⁷.

Из 75 рассматриваемых пословиц и поговорок, только 7 (0,9%) имеют положительные, порой, высокопарные суждения о помещике, его предназначении и отражены они в издании отшельника Мери-Хови. В собрании пословиц и поговорок В.И. Даля и Н.Л. Бродского таковые отсутствуют. Собственно, это и подчеркивает определенную традицию рассматриваемого фольклорного жанра – критику помещичьей жестокости, жадности, глупости и спеси. Тем не менее, нельзя отрицать возможности того, что имелись и имеются пословицы с позитивными суждениями о барине, но они не нашли еще своего места в опубликованных источниках или неизвестны широ-

² Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. (Русско-народная философия) / сост. отшельник Мери-Хови. СПб., 1882.

³ Костюхин Е.А. Указ. соч. С. 132.

⁴ Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 113-114.

⁵ К воле. Крепостное право в народной поэзии / сост. Н.Л. Бродский. СПб., 1911.

⁶ Пословицы русского народа / сост. В.И. Даль. Тт. 1-2. М., 1984.

⁷ Русские народные сказки. Барин и мужик / ред. Ю.М. Соколов. М.-Л., 1932.

кому кругу исследователей. Определенное удивление вызывает отсутствие подобных пословиц и поговорок у Даля и Бродского, вряд ли им было не известно о сборнике отшельника Мери-Хови, напечатанного в столичной типографии. Тем более, во всех трех рассматриваемых источниках (с определенной поправкой на В.И. Даля) есть повторения пословиц и поговорок, но только тех, где помещик показан исключительно с негативной стороны.

Мери-Хови из «добрых» пословиц в адрес барина на первое место поставил пословицу « На Руси, дворянин, кто за многих один»⁸. Тем самым, показывая двойное дно социального статуса благородного, с одной стороны, он представлял служилое сословие и его главной обязанностью была защита Отечества, с другой, – он отец своим «детям» – крестьянам. Вторая часть пословицы – «... кто за многих один», несет в себе главную смысловую нагрузку, то есть, дворянин является, во всех смыслах, защитником своих крестьян. Следующие пять пословиц и поговорок, посвящены теме естественности и правомерности социальной подчиненности крестьян помещику, где его образованность, ум и доброта являются гарантией «красных дней» крестьян. Звучат они следующим образом: «Из доброго помещика – дух вон, из крестьян – красные дни», «Барская милость – Божья роса», «С боярами знаться – ума набираться», «Кабы не барский разум, да не мужицкая простота - все бы пропали», «Вольному – просторней, барскому – спокойней»⁹.

Исходя из самой сути данных пословиц, поговорок и их смысловой нагрузки, сочинены они были в эпоху крепостного права и восхваляли доброго, разумного помещика. Несомненно, определенную роль здесь играло социопсихологическое восприятие крестьянами «благородного», как человека деланного «из другого теста». Несмотря на наличие других спектров восприятия барина, порой исключительно негативных, и в пореформенный период магия «породы» оставалась неотъемлемой частью крестьянского сознания. Известный этнограф О.П. Семенова-Тян-Шанская, в данной связи, показала всю сложность социально-психологического восприятия крестьянами помещика: «Но более всего не любят, конечно, кулаковатых дворян. Таким уж ничего не прощают, поджигают их и мстят им решительно за все, если не очень боятся их связей с властями, а в те минуты, когда между крестьянами и таким кулаком отношения мирные, редкий «Иван» не думает, или не говорит, что не барское дело входить во всю подноготную хозяйства. Тут психология «Ивана» довольная сложная; с одной стороны, он не уважает барина, за то, что он не умеет обращаться с землей и трудиться над ней по мужицки, а, с другой, – величие барина. Очевидно, существует крестьянское эстетическое представление о барине, как о противоположности роющемуся в навозе купцу или мужику»¹⁰.

В данной категории пословиц и поговорок отдельно стоит поговорка «Хоть лыком шит – да барин!». Ее смысл можно трактовать двояко. На первый взгляд, это ирония и сама поговорка относится к бедному, разорившемуся помещику, но с показушной барской спесью. Но вероятнее, в данной поговорке отражена суть крестьянских представлений о мелкопоместном дворянине, который хотя и беден, но от рождения благороден и призван владеть «крещеной собственностью». С.Н. Терпигорев (С. Атава), в рассказе «Дворянин Евстигней Чарыков» из цикла «Потревоженные тени», показывает осознание крепостными крестьянами мелких помещиков «барского величия» последних: « Проезжая, мы видели некоторых из владельцев, расхаживающих у себя по двору в красных рубахах, совсем как кучера, или в широких грязных парусинных пальто, как старые повара, дворецкие отставные и прочие заштатные дворовые. Видали и их жен вдали, сидевших в усадьбе или на берегу, окруженных бедно и грязно одетыми детьми.

⁸ Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 113.

⁹ Там же.

¹⁰ Шнейдер В.П. Памяти Ольги Петровны Семеновы. СПб., 1908. С. 15-16.

Но все они живо чувствовали себя дворянами, потому что мужики их, вообще их крепостные, как мы видели это из кареты, стояли перед ними без шапок, а они, напротив, расхаживали и сидели с важностью, не забывая своего достоинства»¹¹.

Подводя итог рассмотрению «положительных» пословиц и поговорок по отношению к барину, необходимо отметить, что у части бывших крепостных крестьян, уже после реформы 19 февраля 1861 г., сам институт крепостничества находил оправдание и объяснение. Крупный деятель казанского земства Н.А. Мельников, вспоминая свою беседу, будучи 14-15 лет, со старым бывшим крепостным своего деда Фомой Ивановичем, подтверждает это: «Я высказал недоумение по поводу того, как это было возможно, чтобы один человек безраздельно владел другим, и доказывал, что такое владение противоестественно и безнравственно. «Нет, соколик, не так все это», – ответил Фома Иванович. «Верно ты сказал, что Господь сотворил человека свободным, да только не та эта свобода, про которую на бумаге печатают, да на перекрестках кричат. Настоящая свобода Адаму праотцу была дана. Не оправдал он Божьего дара, ослушался Господа. С тех пор только на небе свобода осталась, и мы узнаем ее на том свете. На земле же все рабы либо друг другу, либо самим себе. Я, примерно, дедушке твоего был раб, он – царским рабом, царь трону своему раб, а все мы вместе рабы перед Господом Богом. И позора в рабстве я не вижу никакого»¹². Вероятно, именно, у части крестьян с подобной философией жизни и рождались вышеуказанные пословицы, поговорки.

В подавляющей части пословиц и поговорок помещик показан жестоким, мстительным, жадным и белоручкой. Именно в этом восприятии выражалась сословная и социопсихологическая пропасть, по сути, отражавшая в помещике и крестьянине два антимира, сведенные воедино в рамках поместья. При этом, у каждого из них была своя сословная специфика представлений о добре и зле, богатстве и бедности, чести и позоре и т.д. В контексте сказанного, Г.Ф. Парчевский справедливо отмечает: «Выработанный к началу XIX века неписанный кодекс дворянской чести игнорировал «низкую» примитивную мещанскую честность, как и все заурядные добродетели, и признавал существенную важность лишь за «высокой честностью», рыцарской доблестью, трактуемой в духе безоглядного утверждения собственной исключительности, шляхетского достоинства, которое очень часто не отличалось от надменности и самолюбования»¹³. Разговор двух «неслышавших» нашел отражение и поэзии. Например, в написанном И. Якуниным в 1872 г. стихотворении «Барин и нищая» четко проиллюстрирована несовместимость двух мировоззрений:

– Подай мне, батюшка, на хлеб,
Старуха я больная;
За то, Христос тебя спасет
И мать его святая!..

– Меня из дому выгнал сын,
Напрошенный снохою;
Самим им стало худо жить; -
И я пошла с сумою...

– «Но там у вас, говорят,
Поля и лес – красивы,
Пасутся тучные стада
И так богаты нивы».

¹¹ Терпигорев С.Н. (Атава С.). Потревоженные тени. М., 1988. С. 270.

¹² Мельников Н.А. 19 лет на земской службе. Йошкар-Ола, 2008. С. 28.

¹³ Парчевский Г.Ф. Карты и картежники: панорама столичной жизни. СПб., 1998. С. 92.

– Грешно тебе, родимый мой,
Смеяться над старухой!
В полях у нас один песок,
А лето было сухо...

– «Положим, так; зато, у вас
Есть воздух ароматный,
Живете все по сту лет,
Здоровьем так богаты»...¹⁴

Эта социально-психологическая непроницаемая стена наиболее отчетливо отражена в народных пословицах о добре и зле, где барская ласка воспринимается с определенной настороженностью, указывая, что приоритет здесь все равно остается за барским непониманием и жестокостью. В частности, это: «Панская ласка ни колыска: не сядешь и не поедешь»¹⁵, «Не кори барин слугу хлебом, а слуга барина бегом (т.е. работой)»¹⁶. В следующих пословицах и поговорках хотя и не говорится о помещике, но из самой сути их, очевидно, здесь речь идет о барской «милости»: «Не бей мужика дубьем, бей его рублем», «Жилы рвутся от тяжести, слезы льются от жалости», «Сжалился волк над ягненком, покинул кости да кожу», «Кобыла с волком тягалась: один хвост да грива остались» и одна прямо указывающая на равнозначность барской милости и гнева – «Боярский гнев, да барская милость – равны опасны»¹⁷. Через данные пословицы и поговорки, в крестьянском сознании преломлялись устойчивые представления о двоякости помещичьей добродетели, где, наряду, с добрым словом, параллельно или за ним шли действия репрессивного характера.

Барское и крестьянское понимания о сущности добра и зла расходились, особенно, это отчетливо проявлялось в эпоху крепостного права. Барон Н.Е. Врангель, вспоминая своего отца Егора Ермолаевича, в подтверждение данной мысли, указывал: «Крестьяне его жили богато, процветали, а дворовые были хорошо одеты, хорошо обуты и сыто накормлены... Но попечения его о счастье рода людского имели объектом только физического человека. Как и большинство его современников, он смотрел на людей исключительно как на существа только телесные. О том, что у человека, помимо его тела, есть душа, он не догадывался, а если и подозревал, то, вероятно, смотрел на это как на «дурь», «на блажь», на «фанаберию», как на что-то запретное и вредное, чему потакать не следует и с чем нужно бороться. Но вернее всего он над «такими пустяками» не задумывался»¹⁸.

Барон особо подчеркивает, что помещики видели в крепостных исключительно физических существ, необходимых для выполнения определенного круга обязанностей. Отсюда, крестьяне не воспринимали эпизодические проявления барской милости как, что-то постоянное и имеющее реальное нравственное начало. Разница в понимании сути добра и зла осталась между помещиком и крестьянином в пореформенный период. Сословно-корпоративные ценности, традиции, чувство сословной исключительности не могли исчезнуть у поместных дворян в одночасье. Н.П. Ржевская в своих мемуарах с сожалением описывает отношения своего отца – П.С. Ржевского, рязанского помещика с собственной дворней уже после отмены крепостного права: «Один раз он позвал огородника Фирсана и стал его о чем-то спрашивать, тот отвечал как-то невпопад. Отец размахнулся и ударил его кулаком так, что тот упал на каменное крыльцо без чувств и облил кровью все плитки... Другой раз к нему подошел старенький повар, он был именинник и немножко пьян. Принес десяток яиц и,

¹⁴ Якунин И. Барин и нищая // Беседа. 1872. V. С. 310-311.

¹⁵ К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 156.

¹⁶ Пословицы и поговорки русского народа / сост. В.И. Даль. Т. 1. С. 94.

¹⁷ Там же. С. 94-98; Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 114.

¹⁸ Барон Врангель Н.Е. Воспоминания: от крепостного права до большевиков // Бароны Врангели. Воспоминания. М., 2006. С. 30-31.

подавая отцу тарелку, умильно произнес: «Я нынче именинник, примите это в дар». Но отец спустил его с лестницы в 17 ступенек, и несчастный старик тоже упал без чувств, обагрив всю лестницу и противоположную стену кровью»¹⁹. Здесь, естественно, будет уместно говорить о взрывном, неуравновешенном характере барина, но нельзя отрицать и укоренившиеся привычки физического воздействия на бывших крепостных у определенной части помещиков. Примечателен же в данном сюжете факт непонимания помещиком желание одного из дворян сделать ему подарок, который по форме и по сути как-то оскорбил барское достоинство. Доброе стремление одного вызвало ярость у другого. Подобное поведение помещиков и могло привести к рождению поговорки «Пан, а псу брат!»²⁰.

В отдельной категории пословиц и поговорок, касающихся барской власти, выражено крестьянское отношение к социальной природе «помещика-белоручки». К ним относятся: «Зажить бы паном – все придет даром», «Земля любит навоз, конь овес, а бояре – принос»²¹, «Барин говорит горлом, мужик – горбом», «Мужицкими мозолями и бары сыто живут», «Белые ручки – чужие труды любят», «Бары крупчатые, да сдобные, а мужики – ржаные, да с закалом», «Дворянский сын – с погляденья сыт»²². Смысловый диапазон народных пословиц и поговорок настолько широк, что весьма трудно подвести ту или иную пословицу (поговорку) под определенную содержательную категорию, она все равно оказывается шире предполагаемой классификации. Так, выбранные пословицы и поговорки о барине – белоручке можно, также, классифицировать как о тяжелой крестьянской доле, изначальной социальной несправедливости и просто жадности помещика. Но, тем не менее, они в большей степени отражают народные представления о барине, который ничего не делает, ничего не умеет, а ждет только «принос». В тоже время, мысль о том, что барин – полновластный господин своих крестьян, принимает в них законченную смысловую форму, по сути, являясь утверждением, не требующим каких-то лишних объяснений, а воспринимаемое как должное, хотя и с явной горечью в душе. Здесь уместно напомнить наблюдение О.П. Семеновой-Тянь-Шанской о крестьянском эстетическом представлении о барине, как о полной противоположности крестьянину, роющемуся в навозе.

В рассматриваемом жанре народного фольклора особое место занимают 4 поговорки, вероятно, сочиненные в дореформенный период, и которые можно назвать поговорками – угрозой: «Мужик-дурак: ты его кулаком, а он тебя топором», «Мужик не ворона, у него есть и оборона!», «Панов много таких, - не перевешаешь и до Москвы»²³, «Были, были и бояре волком выли»²⁴. Хотя Н.Л. Бродский на счет третьей указанной поговорки поясняет: «Говорят насмешливо на счет шляхтичей, не имеющих крестьян и своими руками обрабатывающими землю»²⁵, это вряд ли соответствовало действительности. Словосочетание «...не перевешаешь и до Москвы» однозначно указывает на чрезмерную степень социального антагонизма, который не мог быть между помещиком, у которого не было не одной ревизской души, и крепостными крестьянами. Скорее всего, здесь речь идет о мелкопоместных дворянах, которые и составляли большинство помещиков. Именно в хозяйствах этих помещиков эксплуатация крепостных крестьян достигала своего апогея. М.Е. Салтыков-Щедрин акцентировал на это внимание: «Непосильною барщиной мелкопоместный крестьянин до того изнурялся, что даже по наружному виду можно было сразу отличить его в толпе других крестьян. Он был и испуганнее, и тощее, и слабосильнее, и малорослее. Одним словом, в общей массе измученных людей был самым измученным. У многих мелкопоместных мужик ра-

¹⁹ Ржевская Н.П. Личные воспоминания и все слышанное. Тула, 2010. С. 98-99.

²⁰ К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 156.

²¹ Там же. С. 155.

²² Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 114.

²³ К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 156.

²⁴ Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 114.

²⁵ К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 156.

ботал на себя только по праздникам, а в будни – в ночное время. Так что летняя страда этих людей просто – напросто превращалась в сплошную каторгу»²⁶.

Появление поговорок-угроз, по всей вероятности, было отражением каких-либо реальных событий, связанных с крестьянскими волнениями и где дело доходило до убийства помещиков. В материалах отчетов Департамента полиции МВД ежегодно регистрировали не только случаи крестьянских волнений, но факты покушений на убийство или убийства крестьянами своих помещиков. Так, с октября 1852 г. по январь 1854 г. в России таких случаев было отмечено 15²⁷. Подобные факты сразу становились резонансными в помещичьей среде. Если бы это не было связано с реальными событиями, в рассматриваемых поговорках, вряд ли, указывались бы конкретные орудия и способы убийства помещиков, а словесная форма выглядела настолько агрессивной.

Переходим к рассмотрению, в рамках избранной проблемы, следующего жанра народного фольклора – сказок.

В русской фольклорной прозе есть два многожанровых вида – проза сказочная и не сказочная. Отличает их то, что они выполняют разные доминантные функции: сказочная проза – функцию эстетическую (сказки рассказываются для развлечения и поучения), не сказочная проза – информативную (поэтому ее называют прозой достоверной). Сказки, в свою очередь, обычно делят на три основные группы – сказки о животных, волшебные и бытовые. Их объединяет один признак: речь идет о выдуманном и невозможном²⁸.

Рассматриваемая социальная связка «барин-крестьянин» отражена, в основном, в бытовых сказках; в них воспроизводятся картины обыденной жизни – без чудес, характерных для волшебных сказок, и без комического маскарада, свойственного сказкам о животных. Основная составляющая сюжетной композиции данных сказок – отгадывание загадок – представляет собой испытание мудрости, житейских познаний, опытности, быстроты ума и его гибкости. И здесь традиционно торжествует «низкий» герой: девушка – крестьянка или сообразительный мужик оказываются мудрее барина. Можно сказать, что в таких сказках «воплотилась наивная мечта народа о «справедливом» перераспределении богатств и сословных привилегий по уму и личным достоинствам»²⁹.

Ю.М. Соколов в своем сборнике русских народных сказок, объединенных одной темой «барин и мужик», собрал 60 произведений сказочной прозы. Учитывая несомненную актуальность для помещичьих крестьян проблемы ежедневного общения с помещиком или его представителями, можно отметить сравнительно небольшое количество записанных сказок о русском помещике. Например, о попе и мужике их значительно больше. Соколов, несмотря на идеологическую специфику времени написания предисловия к указанному сборнику (1931 г.), в целом, справедливо отмечал: «...нужно заметить и по поводу сказок о барах, что мы располагаем материалом, значительно меньшим, чем это было в свое время в реальной действительности. Причин этому несколько. Одна из них – притом, думается, главная – классовый состав собирателей сказок в ту эпоху, когда сатирические сказки о барах должны были быть особенно актуальны, т.е. в первой половине и в середине XIX в. Собиратель, дворянин – помещик, как бы либерален он ни был, естественно, не мог сам с нарочитым интересом относиться к собиранию мужичьих сказок о барах – помещиках, а с другой стороны, и крестьянин – сказочник не имел, надо полагать, также большого желания рассказывать собирателю – помещику сказки с подчеркнутой классовой противодворянской тенденцией»³⁰. Соколов не без основания отмечает, что между

²⁶ Тарасов Б.Ю. Россия крепостная. Серия: тайны Российской империи. М., 2011. С. 103.

²⁷ Материалы для истории крепостного права в России. Извлечение из секретных отчетов Министрства внутренних дел за 1836 – 1856 гг. М., 2010. С. 228.

²⁸ Костюхин Е.А. Указ. соч. С. 92-93.

²⁹ Там же. С. 130.

³⁰ Русские народные сказки. Барин и мужик. С. 9.

интеллигентом – собирателем фольклора и крестьянином, носителем фольклорной традиции, вряд ли, в периоды коротких встреч могли наладиться настолько доверительные отношения, что антипомещичьи настроения будут продемонстрированы представителем «низов» со всей откровенностью. В крестьянском сознании любой интеллигент из города ассоциировался с человеком «голубой крови», находящегося во власти или близко стоящим к ней. Реальной критики или сарказма в адрес помещиков, в большей части случаев, нельзя было услышать. Отсюда, вероятно, определенное число сказок, как и пословиц (поговорок), о барине и помещичьей власти не дошли до нас в записи.

Из 60 рассматриваемых произведений сказочного цикла о барине, по классификации Ю. М. Соколова, 8 (13, 3%) – о барской жестокости, 11 (18,3%) – о помещичьей жадности, 12 (20%) – о барской спеси, 3 (5%) посвящены барскому безделью и 23 (48,4%) – барской глупости³¹. Наибольшее число сказок, в рамках данного цикла, посвящено барской глупости, где высмеивается отсутствие у помещиков хозяйственной, бытовой смекалки, знания природных реалий и демонстрировалось превосходство крестьянской житейской хватки и ума. Пусть, хотя бы, в сказочных реалиях крестьянин помыкает помещиком, отражая, столь своеобразным образом, свое стремление доказать, что он не «двуногая скотина» и не «крещенная собственность», а личность с серьезными социальными ожиданиями, претензиями. По смыслу данная категория сказок очень близка к сказкам, где демонстрируется барское безделье.

В первом цикле сказок о барине отражена наиболее распространенная «добродетель» помещиков – жестокость, самодурство. Моральные критерии помещика по отношению к крепостным регулировались способностью или неспособностью первого видеть в своем крестьянине человека, пусть и стоящего на нижней ступени социальной структуры общества. Если помещик соотносил крепостного крестьянина только с объектом интенсивного добывания материальных и других благ, моральная грань переходила границу разумной достаточности, которая порицалась верховной властью³².

В самом начале сказки, с характерным названием «Сердитая барыня», дается традиционная картина жестокости помещиков: «В усадьбе была барыня, и до того была сердитая, – никому житья не было. Эта староста как придет утром спросить, что наряд дать какой, – она его не отпустит, так что отхвостнет. А мужикам – то житья не было никакого: драла, как собак»³³. Посредством сказочного вымысла, на помощь крестьянам приходит солдат, который хитростью меняет местами барыню и крестьянку, приучает первую к трудовым будням, через лишения и тяготы крестьянской повседневности «перевоспитывает» её. Именно в этом и заключалась мечта крестьян, то есть, заставить на «собственной шкуре» испытать барам неволю и систематический, изматывающий труд. В сказках «Барин и собака», «Барин и плотник», «Как казак проучил барина-самоуправника» крестьяне и казак хитростью оставили жестоко барина самого в дураках. Тем самым, показывая, что в крестьянской подневольной жизни ум, смекалка, расчетливость могут стать серьезным оружием против барина – самодура. Сюжет сказки «Разбойник Тришка Сибиряк» навеян, вероятно, определенными литературными персонажами, в частности, Дубровским А.С. Пушкина. Разбойники, стоящие за народ и наказывавшие бессердечных помещиков, являлись популярными персонажами русских народных сказок. В указанной сказке, это лучше всего отражено в ее последнем абзаце, где сконцентрировано «жизненное кредо» Тришки Сибиряка: «Никого Тришка Сибиряк не обижал крепко, разве какого барина, лихого до крестьян, что раз поучит, не послушает, – другой раз поучит; в толк не возьмет, так такому лихому под коленками жилки подрежет, – «чтобы не очень, го-

³¹ Русские народные сказки. Барин и мужик. С. 29-181.

³² Шаповалов В.А. Дворянство Центрально-Черноземного региона России в пореформенный период. М.; Белгород, 2002. С. 127.

³³ Русские народные сказки. Барин и мужик. С. 29.

ворит, прытко бегал!»³⁴. Здесь выражена надежда на то, что управа найдется на бар и из народной среды, каковыми являлись благородные сказочные разбойники. Быль «О барах», где рассказано об убийстве крестьянами помещика Шидловского, вряд ли можно отнести к сказочному жанру. В рассматриваемом контексте, примечательна сказка «Жалостливая барина», в ней помещица жалеет не собственных крестьян, а собак и котов³⁵. Крестьяне, тем самым, подчеркивали, что в ряде случаев для бар собаки были дороже людской души. Крестьян, нередко, пороли поголовно³⁶, а барских лошадей и собак лелеяла многочисленная дворня. В сказке «Великий грешник» умерший барин чтобы попасть на небеса вынужден был заступиться за крестьян и убить жестокого надсмотрщика.

Цикл о барской жадности вобрал в себя 11 сказок, объединенных, фактически, одной сюжетной линией – барину его богатств мало и он всеми способами старается еще больше обогатиться. Наиболее рельефно это показано в сказках «Липунюшка», «Барин-кузнец», «Как мужик с бариним обедом», «Хитрый мужичок», «Жернов и певун», «Чудесный бочонок»³⁷. При этом, здесь отчетливо проходит мысль, что те, кто постоянно работают (крестьяне) – ничего не имеют, а барин, ничего не делающий, имеет все.

Хитрый крестьянин, обычно, к концу сказки богатеет за счет барина и, тем самым, хотя и в сказочном мире, сбывается мечта крестьян о справедливом перераспределении богатств. Так, например, заканчивается сказка «Как на том свете работник скупого барина вызволял»: «Ужахнулся барин и все золото отдал своему работнику. А работник пошел в избу, перекинул через голову торбину с кусовьем, а она в бабу обратилась. А потом они обвенчались. Тут и сказке конец»³⁸.

Следующая группа сказок объединена темой о барской спеси, чванливости и, в своей основе, носит анекдотический характер. В них мужик, играя на гипертрофированной сословной чванливости барина, путем собственной смекалки из этой спеси извлекает собственную выгоду («Чего на свете не бывает», «Как парень у барина деньги выиграл», «Мужик и барин»). Явно к концу дореформенного периода или к началу пореформенного относится группа сказок о разорившемся мелком помещике, имеющем еще власть над крестьянами, и всячески ее подчеркивающим («Бедный барин и мужик», «Один слуга у двоих господ», «Барин-бедняк»)³⁹. Такое несоответствие словесных претензий и реальных дел в мелкопоместной усадьбе вызывало насмешки у крестьян. Вероятно, именно в это время в крестьянской среде и родилась пословица: «Што сталося с панами? Бувало один пан едет на шести конях, а теперь шесть панов едут на одном коне»⁴⁰. Современники отмечали пренебрежительное отношение крестьян в первые пореформенные десятилетия к низшим подгруппам мелкопоместной страты: «Дорога от Самары до Старого Буяна имеет живой, веселый вид... Но вот вдоль дороги то там, то сям показываются какие-то странные домики. Одиноко, сиротливо стоят они в открытом поле. Не видать вокруг них ни сада, ни зеленой ветлы; нет даже плетней, нет сараев, без которых немислима никакая крестьянская хата.

Печать беспомощности лежит на этих странных домиках; их крыши из старой прогнившей соломы растрепаны, точно всклокоченные мужицкие головы; трубы покривились и еле-еле держатся. Стекла во многих окнах выбиты, а двери заткнуты грязным тряпьем... Словом, все говорит о горькой нужде, о бесприютности.

– Чьи эти хаты? Кто тут живет? – спрашиваю ямщика.

– Здесь-то?.. Панки... Панки, сударь, живут!

³⁴ Русские народные сказки. Барин и мужик. С. 46.

³⁵ Там же. С. 47-55.

³⁶ Трансформация провинциальной повседневности в условиях модернизационного развития России во второй половине XIX – начале XX вв. / отв. ред. В.А. Шаповалов, И.Т. Шатохин. Белгород, 2011. С. 46.

³⁷ Русские народные сказки. Барин и мужик. С. 64-76.

³⁸ Там же. С. 91.

³⁹ Там же. С. 108-110.

⁴⁰ К воле. Крепостное право в народной поэзии. С. 156.

Я в первый раз слышу это слово.

– Какие такие панки?

– Панки-то?.. Неужто не слыхал? – удивляется ямщик. – Панки, стало-быть...выходит, вроде как дворяне... или, примерно скажем, господа... помещики... Все единственно! – говорит ямщик и в тоне его голоса звучит скрытая, сдержанная ирония»⁴¹.

Разорение и обнищание поместных дворян, в первую очередь, низшей страты, проходило на глазах крестьян и это находило отражение в народных сказках, пословицах, поговорках.

В четвертую группу можно объединить сказки о барском безделье и глупости. На наш взгляд, разделение их Ю.М. Соколовым на два разных цикла искусственно, так как и в крестьянском сознании безделье и глупость почти синонимы. В содержательном контексте их также трудно разделить, когда в сказке говорится о безделье, обязательно подчеркивается барская глупость и наоборот.

Данный цикл сказок связан, в первую очередь, со сферой социальной психологии крестьян, где барской сословной исключительности, образованности и безделью противопоставляется крестьянский труд, хозяйская смекалка, как прямая жизненная необходимость («Солдат и барин», «Про нужду»). В них отчетливо проводится мысль, что если бы не было крестьян, то не было бы и бар, с их причудами, капризами и ничегонеделаньем. В сказках «Как барин лошадей из тыкв высиживал», «Как барин телился», «Коза», «Как мужик убил барина в дороге», «Барин ищет счастливого места» и ряде других, традиционное барское безделье порождало барскую глупость, как следствие полной оторванности от реальной хозяйственной деятельности, включенности в нее⁴². Сметливый крестьянин, наоборот, пользуясь этим решал свои проблемы с баринком, который готов был и из тыквы лошадей высиживать. То есть, тем самым, крестьяне подчеркивали полную оторванность барина от земных насущных проблем и его удел парить в облаках своих странных мечтаний, капризов.

Крестьянские смекалка и хитрость, восхваляемые в сказках и пословицах, не всегда являлись «оружием» против барского деспотизма и жадности. Нередко крестьянская житейская изворотливость была направлена на неприкрытое «объегоривание» помещика, с целью получения тех или иных благ. В этом случае, в ход нередко шла откровенная ложь. Особенно это было характерно для пореформенного периода. Два социокультурных антимира в русской деревне продолжали сосуществовать рядом друг с другом, не понимая и не принимая взаимно социопсихологические ценности другой стороны. К.Д. Кавелин по этому поводу отмечал: «Самое же главное и прискорбное то, что большинство помещиков не могли или не умели помириться с прекращением крепостного права и необходимостью начать жить с бывшими крепостными как с свободными и равноправными соседями. Расстроены свои дела большинство старалось по возможности поправить разными экономическими прижимками крестьян и рабочих, и тем значительно ухудшили прежние, и без того не совсем дружелюбные отношения, вытекавшие из крепостной зависимости»⁴³. А.И. Кошелев, в рамках рассматриваемого сюжета, развивает эту мысль: «Итак, недостаток правды в нашем быту вообще не подлежит никакому сомнению, но отчего это происходит?

От того ли, что мы по природе неправдивы, или от того, что мы таковыми стали вследствие обстоятельств, при которых отцы наши и мы жили и при которых мы и ныне обретаемся?..

Первым, самым действенным из этих обстоятельств есть, конечно, крепостная зависимость, тяготевшая, в продолжении многих веков, на русском народе, проникая во все проявления и отправления его жизни, и еще далеко не вполне у нас отменен-

⁴¹ Борецкой А. Захудалое дворянство (из летних экскурсий) // Русская мысль. 1882. Кн. XII. С. 339-340.

⁴² Русские народные сказки. Барин и мужик. С. 127-179.

⁴³ Кавелин К.Д. Крестьянский вопрос. СПб., 1882. С. 41-42.

ная. Владение одних людей другими было злом не частным, касавшимся одного или двух состояний и только в известных каких либо отношениях портившим их нравственность. Нет, это было злом, искажавшим нравственность всех состояний... При существовании в обществе лжи, допускавшей принадлежность одного лица другому, узаконившей право последнего распоряжаться судьбою первого и его семейства и безнаказанно наносить им всякие обиды; ...и при господстве произвола над законом, – могла ли в чем либо быть правда?»⁴⁴.

Кавелин и Кошелев точно подметили два существенных аспекта в крестьянском сознании – отсутствие «дружественности» к помещику и присутствие откровенной фальши в совместной повседневной практике, что являлось наследием отношений крепостной эпохи. Поэтому, скорее всего, в пореформенный период пословицу: «Родом – дворянин, а делом – жидовин»⁴⁵ нельзя понимать буквально, как характеристику помещичьей сверхжадности. Пореформенная перестройка дворянских хозяйств требовала от их владельцев деловой аккуратности и бережливости, что не всегда позволяло пролиться щедрым дождем определенных милостей на крестьян, которые в ожидании его придумывали «разные разности». О.П. Семенова – Тянь – Шанская своими наблюдениями подтверждает эту мысль: «В глубине души крестьяне, мне кажется, предпочитают землевладельцев из дворян. Вероятно, чувствуют и понимают, что такие землевладельцы «в общем» относятся к ним человечнее и лучше. «Добрых» помещиков крестьяне, конечно, не прочь поэксплуатировать, не говоря уже о том, что всегда ждут от них подачки.

Иногда придут к какому-нибудь новичку помещику, помнутся у крыльца и, взяв какого-нибудь лекарства, просто напроосто говорят: «А не пожалуете ли чего?». Иногда просто сочиняет или присочиняет чего-нибудь относительно своей нужды, чтобы получить побольше подачку... Помимо всего этого крестьяне, по большей части, насмешливо относятся к помещикам-дворянам, к их хозяйственным способностям; совсем в них не верят»⁴⁶.

Очень важную информацию несет в себе ее следующее наблюдение: «По мнению крестьянина, в том именно и заключается смысл быть богатым, - не считать грошей и не марать своего барского достоинства около мелочей хозяйственного обихода, оно, кстати, ему, «Ивану», и выгоднее, когда барин такой»⁴⁷. Хозяйственный помещик не мог стать для крестьян «источником» добывания каких-либо материальных благ, в виде подачек или возможности работать на помещика «спустя рукава». Это и вызывало у крестьян, к таким помещикам, открытую неприязнь, исходя из принципа – благородный, а в навоз лезешь, чего-то копаешь. С точки зрения крестьян, хозяйственная дотошность не входила в помещичьи добродетели и противоречила барской статусности⁴⁸. С другой стороны, у части «капиталистских» крестьян чувство стяжательства не редко расходилось с нравственными устоями общества, когда новый хозяин жизни разорял любыми способами не только соседа-помещика, но и закабалял ближайшие крестьянские округа. П.В. Засодимский в рассказе «Черные вороны» показывает обобщенный образ такого крестьянина пореформенной поры: «...Ермил Иванович никого и ничего не страшился. Он, например, смеясь, прямо говорил, что «лешего старые бабы со скуки выдумали, на печи лежат»... Для Ермила Ивановича не было никакого удержу. Правда, он ходил в церковь и становился за обедней впереди всех, у правого клироса; но только он все это проделывал «ради прилику», а вовсе не в силу внутреннего побуждения. Искренно и задушевно Ермил поклонялся одному божееству – «золотому тельцу».

⁴⁴ Кошелев А.И. В чем мы всего более нуждаемся? // Беседа. 1871. VIII. С. 158-159.

⁴⁵ Сборник пословиц, поговорок, примет и проч. С. 113.

⁴⁶ Шнейдер В.П. Указ.соч. С. 14-15.

⁴⁷ Там же. С. 16.

⁴⁸ Шаповалов В.А., Шаповалова С.П. Трансформация представлений русского крестьянства о помещичьей добродетели в 50-90-е гг. XIX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. № 13 (108). 2011. Вып. 19. С. 109.

К местным чиновникам – властям Большухин относился даже с большим презрением.

– Куплю и продам всякого! – говорил он однажды писарю навеселе, хлопая себя по карману. – Захочу: они для меня такие законы напишут, что ваш «мир» только ахнет! Вот что!..»⁴⁹.

Другими словами, пореформенные барские жадность и спесь, выраженные в народных сказках, пословицах и поговорках, не всегда отражали реальный характер взаимоотношений помещика и крестьянина, так как представления о честном слове, милосердии, щедрости у них имели ярко выраженную собственную сословно-корпоративную суть.

Подводя итог, можно констатировать, что народный фольклор, в частности, пословицы, поговорки и сказки являются ценным источником, в первую очередь, в рамках изучения повседневных контактов помещиков с крестьянами. При этом, их содержательная часть позволяет с большой долей вероятности определить время их создания – дореформенный или пореформенный период. Проведенный анализ показывает, что в части дореформенных пословиц (поговорок) дворянин-помещик ассоциируется с воином – защитником родной земли, с другой стороны, – покровителем своих крестьян, где его образованность, ум и доброта являлись гарантом благоденствия крепостных. В общей массе данного жанра народного фольклора, число таких пословиц невелико. Основная же часть народных сказок, пословиц и поговорок четко отражает существование в русской деревне два социопсихологических, культурных антимира – помещика и крестьянина, где последний видит в первом исключительно эксплуататора, бездельника, жадного до крестьянского добра, бесплатной рабочей силы. В отдельных сказках, пословицах отчетливо просматривается стратификационная структура помещиков. В частности, особо выделяются мелкопоместные дворяне. Все это вместе дает возможность более детально исследовать природу крестьянских представлений о помещике, вотчинной власти.

RUSSIAN LANDOWNER IN FOLKLORE: NOBILITY AND CRUELTY (SOCIAL-PSYCHOLOGICAL ASPECT)

V.A. CHAPOVALOV

Belgorod National Research University

e-mail: Shapovalov@bsu.edu.ru

In given paper Russian peasant's notion of a landowner and his power within the context of folklore's evolution is considered. The attitudes including both which is given tribute gentry's graces, and shown a negative perception of the landowner, his rights of ownership of the "baptized property" are defined. The special attention is given to post-reform peasant's irony about the impoverishment of much of the landed gentry.

Key words: proverbs, sayings, fairytales, folklore, peasant, landowner.

⁴⁹ Засодимский П.В. Черные вороны // Крестьянские судьбы. Рассказы русских писателей второй половины XIX века / сост. Ю.В. Лебедев. М., 1986. С. 476.